

КНИЖНЫЙ ДИСКУРС

Эльвира СПИРОВА

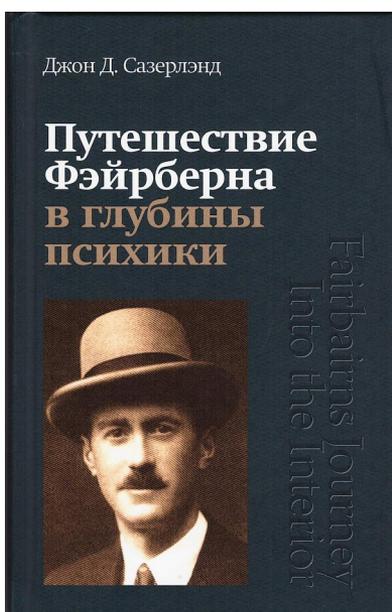
Доктор философских наук, главный научный сотрудник,
руководитель сектора истории антропологических учений.
Институт философии РАН.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: elvira-spirova@mail.ru

ИГРЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО (ПО СТРАНИЦАМ ПЕРЕВОДОВ В.В. СТАРОВОЙТОВА)

За последние годы вышло несколько значимых переводов, выполненных Владимиром Васильевичем Старовойтовым, которые, несомненно, расширяют представления отечественных специалистов о классическом психоанализе, его критике и последующем развитии фрейдовских идей. В статье анализируются работы Джона Д. Сазерлэнда, Рональда В.Ф. Фэйрберна, Шандора Ференци и Бенджамина Килборна. Дается представление о динамически сложном и противоречивом процессе становления психоаналитических школ и отдельных учений. Рассматриваются проблемы теории психоанализа и психоаналитической техники, обсуждаются вопросы прикладного и клинического психоанализа, развития личности и эмоционального мира человека.

Ключевые слова: психоанализ, влечение, теория объектных отношений, личность, Эго, Самость, травма, техника психоанализа, трагическое, катарсис

Сазерлэнд Джон Д. Путешествие Фэйрберна в глубины психики / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 368 с.

В 2019 г. был опубликован перевод работы английского психоаналитика, члена Британского психоаналитического общества Джона Д. Сазерлэнда «Путешествие Фэйрберна в глубины психики» [10]. Книга освещает путь становления, основные идеи и искания одного из основоположников (совместно с М. Кляйн и Д. Винникотом) теории объектных отношений глазами его ученика, коллеги и друга. Сазерлэнд характеризует мышление Фэйрберна как «новаторское», породившее новый взгляд на клинические феномены не столько биологически, сколько личностно обусловленные. Таким образом, акценты в психоаналитической работе начинают смещаться с сексуальных влечений и внутренних напряжений в центр личности, к Эго и внешним контактам со значимыми объектами, у которых Эго может найти поддержку. Такой же линии придерживается Дж.Д. Сазерлэнд, размышляя над личностными ресурсами и конфликтами самого Фэйрберна, связью между его внутренним и внешним мирами, обусловившими возникновение нового типа психоаналитического мышления, приведшими к «изменению основ психоаналитической теории человеческой личности» [10, с. 319]. Путешествие в глубокие области психики позволило Фэйрберну переосмыслить ряд положений Фрейда, считавшихся долгие годы незыблемыми. При этом, как утверждает Сазерлэнд, Фэйрберн считал себя «старательным учеником, на ощупь продвигающимся вперёд с опорой на уникальные достижения Фрейда» [10, с. 11]. И это

несмотря на то, что многие из его коллег и критиков регулярно причисляли его к отступникам от классической психоаналитической традиции.

Уже в первых психоаналитических работах Фэйрберн отказывается от фрейдовского понимания термина Ид, наделяя его лишь смыслом первичной формы ранних переживаний наиболее примитивных побудительных частей личности. Английский психоаналитик критически относился к «обожествлению» роли инстинктивных энергий в ранней психоаналитической теории, полагая, что отсутствие описания личностной природы может привести к дегуманизации человека. Таким образом основой учения Фэйрберна становится понятие Самости.

Значительное влияние на него оказали работы М. Кляйн, показавшей начинающееся с рождения структурирование Самости младенца в результате его ранних взаимодействий с фигурами семейного окружения [8]. «Предположение о том, что вначале младенец не обладает каким-либо Эго или Самостью, содействовали длительному периоду, в котором слово “Самость” редко упоминалось. Фрейдовское “Я” обладало значимостью персональной Самости до тех пор, пока... погружённость в теорию инстинктивных влечений не привела к её замене безличным “Эго”» [10, с. 324–325]. По мнению Сазерлэнда, именно Фэйрберну принадлежит наиболее полная теория Самости. Термин Эго становится важным для описания Фэйрберном центральной, «...доминирующей части Самости, которая включает в себя основные цели и стремления индивида в его взаимоотношениях с внешним миром и с которой обычно связано сознание» [10, с. 325].

Фэйрберн приходит к пониманию исходно целостной природы Эго, подвергающейся расщеплению на глубочайшем психическом уровне у любого человека уже в младенческом возрасте, тем самым провозглашая базисной позицией психики шизоидную (а не параноидальную или депрессивную, как полагали другие психоаналитики) [16]. Расщепление Эго, согласно Фэйрберну, является результатом компромисса между прогрессивным развитием его интегративной, адаптивной и функцией различения внешней и внутренней реальности. Травматический опыт ранних объектных отношений приводит к многочисленным шизоидным проявлениям личности, самым важным из которых английский психоаналитик считает поглощённость внутренней реальностью. Значительный вклад был внесён Фэйрберном в разработку шизоидных и депрессивных состояний.

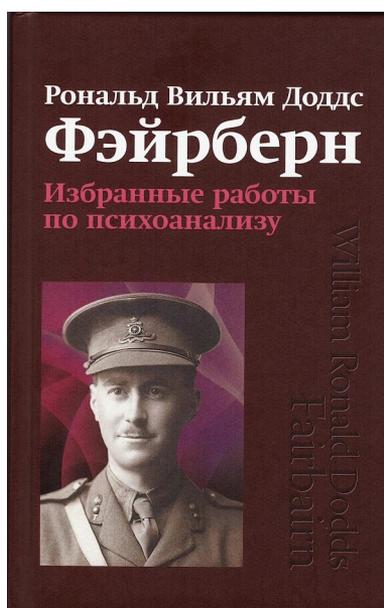
В последующих работах Фэйрберн трансформирует фрейдовскую теорию либидо в теорию, основанную на объектных отношениях. И хотя сексуальность остаётся значимым компонентом его концепции, он предлагает «не помещать телегу впереди лошади» [10, с. 223], поскольку либидо, по Фэйрберну, имеет врождённо запрограммированную направленность на поиск специфических объектов, а сексуальное удовольствие является лишь подтверждением их нахождения. Человек по своей природе социальный субъект, и он, развиваясь, уходит от инфантильной зависимости от объекта, основанной на первичной идентификации, приобретая способность

жить в зрелой зависимости от других людей с полным признанием их инаковости. Таким образом, Фэйрберн предлагает собственную теорию развития в противовес фрейдовской.

Английскому психоаналитику принадлежит и собственная структура Эго, расщеплённая на центральное (предсознательное) Эго, либидинальное Эго и агрессивное, преследующее Эго. Эту классификацию он считает универсальной и альтернативной фрейдовской структуре психики. Она описывает базовую эндopsихическую ситуацию на языке личностных взаимоотношений и динамической природы Эго. Предложенная структура Эго позволила Фэйрберну объяснить разновидности психопатологических и характерологических феноменов посредством сложных взаимоотношений между частями Эго. Теорию эндopsихической структуры позже разовьёт его ученик и последователь Г. Гантрип [1; 17].

На выдвинутых теоретических положениях строится и клиническая практика Р. Фэйрберна, целью которой становится высвобождение из бессознательного «плохих» объектов и уменьшение первичного расщепления Эго. «Плохие» объекты – часть внутреннего мира человека, который он стремится сохранить закрытым от внешнего вторжения (в том числе в ситуации психоанализа). Психоаналитик, преодолевая сопротивление, ищет бреши в этой системе, чтобы сделать внутренний мир доступным для воздействия внешнего. Таким образом, в клинической практике Фэйрберн опирается на концепцию открытой системы, обязывающей в попытке объяснить и повлиять на развитие живых организмов принимать во внимание сопутствующее окружение.

Несмотря на неизменное уважение и признание заслуг своего учителя (подчас сопряжённое с весьма смелыми утверждениями его вклада в развитие теории объектных отношений), Сазерлэнд считает своим долгом показать и противоречия в его концепции, и отказ от прежних идей, и перспективы развития теории Самости. Хотя Сазерлэнд и сетует на отсутствие должного признания и нападки на своего учителя, часть идей Р. Фэйрберна, по его мнению, оказалось вольно или невольно заимствована другими, весьма известными психоаналитиками, что в итоге дало ценный результат для дальнейшего развития психоанализа.

**Основные труды Р.В.Д. Фэйрберна / Ред.-сост.
В.В. Старовойтов; пер. с англ. В.А. Курманаевской,
В.В. Старовойтова, К.В. Ягнюка.
М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 320 с.**

Книга Джона Д. Сазерлэнда предвосхитила публикацию в 2020 г. русскоязычного перевода основных трудов Рональда Вильяма Доддса Фэйрберна [9], подготовленную к печати В.В. Старовойтовым. В большом и содержательном предисловии В.В. Старовойтов погружает читателя в жизненный и творческий мир английского психоаналитика, что позволяет лучше понять его работы. Биографические детали, знаковые труды, неожиданные прозрения, оформившиеся идеи, сомнения и критика становятся частью целостного учения, одного из основополагающих в теории объектных отношений. В сборнике представлены ключевые для становления концепции Фэйрберна тексты, написанные им в период с 1940 г. по 1963 г.

В статье «Шизоидные факторы личности» (1940) Р. Фэйрберн, анализируя психические процессы шизоидной природы, представляет развёрнутую картину шизоидных состояний от собственно шизофрении до кратковременных шизоидных эпизодов, что существенно расширяет понятие шизоидности. Черты шизоидной природы английский психоаналитик видит не только в деперсонализации и дереализации, но и в относительно слабо выраженных расстройствах чувства реальности, переживании «искусственности», то позволяет причислить к шизоидным личностям и ряд исторических деятелей, деятелей науки и искусства. Фэйрберн выделяет

три наиболее значимые черты шизоидности: стремление к всемогуществу, стремление к изоляции и отъединению и поглощённость внутренней реальностью [9, с. 41]. Последняя характеристика оказывается для автора самой существенной. Развивая эту мысль, Фэйрберн приходит к выводу, что «...каждый, без исключения, должен быть признан шизоидом» [9, с. 42], ибо нет человека, у которого, пусть даже на самом глубинном уровне психики, не наблюдается расщепления Эго. Примером, доказывающим универсальность этого явления, Фэйрберн называет сновидение. Процесс расщепления Эго подробно рассмотрен английским психоаналитиком через описание особенностей либидинальной позиции на ранней оральной стадии развития. В этой статье Фэйрберн не только выстраивает критическую дистанцию по отношению к базовым положениям классического психоанализа, но и демонстрирует резкое отличие его позиции от взглядов других представителей теории объектных отношений, в частности Мелани Кляйн.

Несмотря на признание исторического значения теории либидо и степени её вклада в развитие психоаналитического знания, Р. Фэйрберн в работе «Пересмотр психопатологии психозов и неврозов» (1941) пишет о её ограниченности, предлагая впредь сфокусировать внимание не на эрогенных зонах, а на объектах либидозного влечения. Тогда развитие объектных отношений будет представлять собой процесс замены инфантильной зависимости на зрелую зависимость от объекта. Фэйрберн даёт подробный анализ нормального и психопатологического характера этого процесса на разных стадиях развития, приходя к выводу, что целью либидинального стремления оказывается не удовлетворение влечения, а отношения с объектом.

В статье «Вытеснение и возвращение плохих объектов (со специальной отсылкой к «Неврозам войны»)» (1943) Р. Фэйрберн описывает природу защитных механизмов психики – вытеснения и сопротивления – через отношения Эго с интернализированным объектом, который может выступать «плохим» или «хорошим». По Фэйрберну, «...исходно вытесняются не вызывающие непереносимые чувства вины влечения, не непереносимо неприятные воспоминания, а непереносимо плохие интернализированные объекты» [9, с. 115]. Если влечения направлены на «плохие» объекты, то они также интернализуются и вытесняются и их либидинальная связь с вытесненным в бессознательное объектом поддерживает сопротивление анализу. Психоаналитическая работа, по Фэйрберну, должна строиться на высвобождении из бессознательного и проработке взаимоотношений с «плохими» объектами.

«Рассмотрение эндопсихической структуры с точки зрения объектных отношений» (1944) – ещё одна знаковая для становления учения Фэйрберна работа. Вновь подчёркивая, что в основе его концепции лежит фрейдовская теория либидо, лишь пересмотренная в соответствии с современным состоянием психоаналитической мысли, Фэйрберн показывает их абсолютную взаимодополнительность, хотя сама статья и полна критических отсылок к Фрейду и Абрахаму. Это касается и структуры личности, в частности роли Эго и Супер-Эго. Отказавшись от значимости депрессивной позиции

в пользу шизоидной, он приходит к пониманию Эго как множественной структуры. Из первичного «центрального Эго» берут своё начало «либидинальное Эго» и «внутренний саботажник», которые принципиально отличаются, на чём Фэйрберн настаивает, от Ид и Супер-Эго (хотя это утверждение и вызвало возражения критиков Фэйрберна). Базовая эндопсихическая ситуация связана с расщеплением Эго, вырастающим из амбивалентного отношения к внешним объектам и вытеснения как «плохих» объектов, так и вспомогательных Эго, с ними связанных.

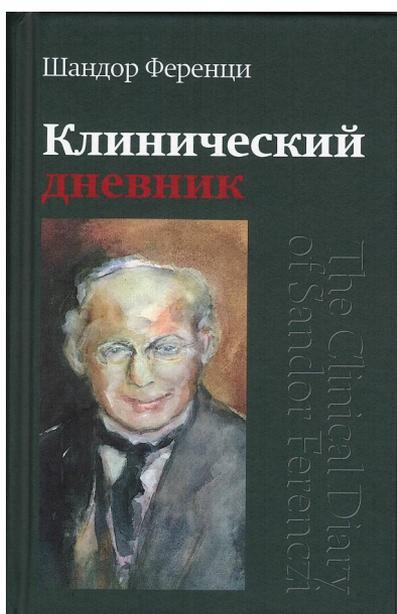
После ряда статей М. Кляйн Фэйрберн считает необходимым уточнить некоторые положения своей концепции в «Приложении» 1951 г.

В статье «Природа истерических состояний» (1954) Р. Фэйрберн продолжает развивать идею расщеплённого Эго на примере истерического невроза, которого частично касался и в предыдущей работе. Здесь он отталкивается от концепции истерической диссоциации П. Жане (изначально принятой Фрейдом, но замещённой психологией влечений), в которой он улавливает «скрытый смысл расщепления в личности» [9, с. 231], и формулирует пересмотренную им теорию вытеснения. Истерическая личность, ставшая предметом классических теоретических построений Фрейда, была переосмыслена Фэйрберном в этой работе с точки зрения динамической структуры личности и психологии объектных отношений.

В завершающей части сборника представлена, по меткому замечанию В.В. Старовойтова, «лучшая клиническая статья» [12, с. 30] Фэйрберна – «О природе и целях психоаналитического лечения» (1958). Это своего рода ответ на статью Т. Саса «О теории психоаналитического лечения», который полагает наличие зрелого, сильного и неизменного Эго анализанда для применения методов «просвещения» как инструмента терапевтического процесса. Фэйрберн справедливо отмечает, что невозможно предъявлять такие требования к пациенту, так же как не следует подменять терапию научным объяснением, которое будет лишь способствовать усилению сопротивления. Терапия, по Фэйрберну, строится на взаимоотношениях между аналитиком и пациентом как личностями. При этом необходимо, чтобы анализанд воспринимал аналитика в качестве «хорошего» объекта, это позволит ему проникнуть в закрытый внутренний мир пациента. Цель терапии Фэйрберн определяет как максимальный синтез тех структур, на которые было расщеплено первичное Эго.

Следует обратить внимание на особый стиль письма Р. Фэйрберна, каждая из работ которого начинается с постулирования основных теоретических выводов, сделанных им ранее. Не зря итоговым текстом в сборнике оказывается краткое изложение теории личности с точки зрения объектных отношений (1963), где английский психоаналитик кратко, в 17 пунктах, формулирует суть своей концепции.

Кроме того, нельзя не отметить скрупулёзного и ответственного следования базовым классическим установкам психоанализа, с которыми автор, безусловно, спорит, но никогда не отвергает полностью. И здесь мы не можем не согласиться с утверждением Сазерлэнда о «старательном ученике».

Ференци Ш. Клинический Дневник / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 416 с.; ил.

В 2020 г. вышел выполненный В.В. Старовойтовым перевод классической работы венгерского врача, последователя и ученика З. Фрейда Шандора Ференци – «Клинический Дневник» [13]. Это, как подмечает Владимир Васильевич, «своего рода интеллектуальное завещание известного венгерского психоаналитика», на что обращает внимание и Бенджамин Килборн во вступлении к «Клиническому Дневнику» Ференци. В этой книге переводчик и ответственный редактор уступает первые страницы американскому психоаналитику Б. Килборну и редактору англоязычного издания *Дневника* Ференци Юдифи Дюпон, а в конце книги оставляет место для краткого предисловия и примечаний к нему Микаэла Балинта. Где же видна работа самого редактора и переводчика?

Достаточно прочитать пояснения к английскому переводу Ю. Дюпон, чтобы понять всю сложность передачи смыслов, заложенных Ференци, на других языках. Издание содержит «спонтанное, неотредактированное качество первоначальной рукописи» [5, с. 14], присущее Ференци «идиосинкразическое использование терминологии, в котором имеются различные несоответствия» [5, с. 15], переход от единственного к множественному числу внутри одного предложения, отсылки к первоначальным рукописным страницам дневника... Сохранить стиль дневниковых заметок, с их обрывочностью, непрописанностью мысли, отдельными, понятными подчас лишь самому автору дневника уточнениями и отсылками, личностным

интроспективным анализом собственного внутреннего мира, при этом сделав его интересным и понятным читателю, – огромный труд и даже своего рода искусство. Тем более когда речь идёт о переводном издании. (Не зря для публикации *Дневника* Ференци и переписки его с Фрейдом во французском переводе потребовалось 16 лет и 20 лет для его издания на английском языке.) Здесь нельзя не отдать должное и В.В. Старовойтову, осуществившему перевод на русский язык и редактирование перевода этой безусловно значимой работы.

Сам *Дневник* Ференци – богатый клиническими наблюдениями, психоаналитическими гипотезами и теоретическими выводами материал, способный дать широкое представление о его взглядах на клинические состояния и технику психоаналитической работы. Множество затронутых сюжетов, по мнению Ю. Дюпон, сводятся к трём основным темам: теория травмы, техника взаимного анализа, собственно взаимоотношения с Фрейдом. Но, на наш взгляд, все эти сюжеты – попытка личностного отклика на волновавшие его психоаналитические проблемы. Шандор Ференци, человек другой, по сравнению с Фрейдом, личностной типажности (о чём писал П.С. Гуревич, анализируя мыслительную структуру Фрейда и эмоциональную Ференци с точки зрения юнгианской типологии [2]), изначально не мог принять целый ряд положений фрейдовской теории. Травматический опыт Ференци понимает не абстрактно, отстранённо, а непосредственно откликаясь на лицемерие, укоренившееся в обществе. «Он проводит параллели между ребёнком, травмированным лицемерием взрослых, душевно больным человеком, травмированным лицемерием общества, и пациентом, чья травма возрождается и обостряется вследствие профессионального лицемерия и технической непреклонности аналитика» [13, с. 28–29]. И в этом сюжете присутствует личностная затронутость: детское переживание отношений с матерью, чувство вины и моральной жёсткости со стороны Фрейда, реакция на лицемерие профессионального сообщества.

Другая тема – техника психоаналитической работы, к обсуждению которой Ференци обращался на протяжении своей жизни неоднократно. Его не могла удовлетворить позиция аналитика как «чистого листа» для проекций пациента. Уже в 1919 г. Шандор Ференци совместно с Отто Ранком публикует книгу «Цели развития психоанализа» [15], где описывает приём активной терапии, построенной на активном участии психоаналитика в поощрении или запрещении различных действий пациента, а также приём «вынужденных фантазий», побуждающих пациентов к фантазированию на заданные темы. Ференци много работал с пациентами, не получавшими исцеления в результате применения ортодоксальных или пассивных методов психоанализа, и добивался результата. Он также понимал, что сохранить личностную отстранённость и сдержанную холодность в ходе терапевтического процесса невозможно, не применяя системы внутренних невротических защит. По этому поводу Фрейд писал, что Ференци, проявляя эмоциональность по отношению к пациентам, нарушает этический кодекс

психоаналитика, не отказывая им в эротическом удовлетворении. Однако отрицание контрпереносных чувств в ходе терапии Ференци считал профессиональным лицемерием. Для него чрезвычайно важной всегда оставалась искренность, умение чувствовать и выражать свои чувства.

Ш. Ференци постоянно обращается к целительной силе проживания эмоций. Он «...неоднократно говорит о приоритете переживаний, а не самопознания в процессе лечения. <...> Важно, чтобы пациент заново пережил прошлое, только так можно убедиться в реальности бессознательного» [3, с. 67]. Венгерский психоаналитик много внимания в своих работах уделяет изучению подавленных эмоций как причины невротических расстройств.

В середине 1920-х гг. Ш. Ференци приходит к выводу, что активная техника имеет авторитарный привкус и напоминает отношения между учителем и учеником, возвращая пациента к переживанию детско-родительских отношений. Он начинает применять «технику изнеживания», подобную поведению нежной матери, принимающей и поддерживающей ребёнка. Тогда же возникает идея взаимного анализа, поскольку аналитик не может полностью отстраниться от влияния аналитической ситуации и в определённых случаях может «...обеспечить их [пациентов. – Э.С.] указательными столбами, знакомя их, со всей возможной для него искренностью, с собственными слабостями и чувствами» [13, с. 32]. В *Клиническом Дневнике* Ференци обсуждает, как появляется у него идея взаимного анализа и как происходит отказ от неё.

На протяжении всего *Дневника* Ференци постоянно обращается к авторитетной поддержке Фрейда, обильно интерпретирует труды своего друга и учителя, при этом он также безжалостно критикует его как с теоретических, так и с личностных позиций. Его упрёки в презрении Фрейда к своим пациентам, провоцировании их покорной зависимости, эмоциональной отстранённости от психоанализа, к которому он «подходит на чисто интеллектуальном уровне», – в значительной степени личностная реакция. Впрочем, следует отдать должное Ференци, который остро осознаёт собственную позицию инфантильной зависимости от отца-основателя психоанализа.

Расхождения в поздних взглядах Ференци и Фрейда некоторые психологи относили на счёт болезни Ференци, у которого наблюдалась интеллектуальная регрессия, состояние бреда, другие полагали, что всему виной авторитарность Фрейда. Ю. Дюпон считает «болезненным делом пытаться здесь определить, кто нормален, кто прав, а кто неправ. Представляется, что в этом взаимоотношении, одновременно болезненном и продуктивном, каждый партнёр делал то, что мог делать, и давал то, что мог дать» [13, с. 41].

«Клинический Дневник» Ференци позволяет погрузиться в переживание проблем и конфликтов, связанных с ситуацией психоанализа, и выстроить собственное отношение к описанным Ференци клиническим историям и клинической истории его самого.

Килборн Бенджамин. Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание / Ред. В.В. Старовойтова; пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 336 с.

В 2022 г. впервые выходит в свет издание книги американского психоаналитика Бенджамина Килборна «Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание» [6] на русском языке в переводе В.В. Старовойтова. Она становится продолжением его труда «Травма, стыд и страдание» [7].

Б. Килборн – философ, антрополог и психоаналитик, исследования которого направлены на решение весьма непростой и амбициозной задачи: описание эмоциональной жизни человека в широком историческом контексте. Зависть, стыд, вина, травма, страдание, чувство непонимания – столь разные оттенки человеческих переживаний – сходятся в осмыслении феномена трагического. Килборн прослеживает исторические изменения, повлиявшие на разное понимание трагедии и травмы, для чего выбирает особые периоды, отличия между которыми позволяют обрисовать исторические сдвиги: Древнюю Грецию, период раннего христианства, поздней Античности, XVII век Джамбаттисты Вико, а также XIX и XX века социологии.

Сквозным персонажем книги выступает Эдип как трагическая фигура, к которой обращаются мыслители от Софокла и Аристотеля до Сенеки, Вольтера, Клейста и Фрейда. Размышления о трагедии Эдипа окольцовывают обсуждение культурных трансформаций отношения к эмоциональному миру человека. Б. Килборн задаётся вопросами: почему эмоции становятся

грехами? Как искушение превратилось в грех? Каким образом человеческое страдание стало ответственностью не Бога и природных сил, а самого человека? Почему недоверие к телу привело к усилению чувства вины? Как произошла демонизация зависти? Почему с течением веков западная традиция стала придавать особое значение не слабости и искушению, а скорее силе и жестокости? И хотя значительную часть книги Б. Килборн посвящает подробному анализу ценностно обусловленного восприятия эмоций, он вновь возвращается к трагическому сюжету Софокла, показывая, что со временем «...истинное понимание человеческой трагедии... было совершенно утрачено» [6, с. 15].

Аристотелева теория трагедии, по Килборну, является в то же самое время теорией чувств и этической теорией. «История непонимания, зависти, стыда, трагедии и травмы начинается на страницах книги с мира Аристотеля и Софокла, с понятий *hamartia* (оплошного поступка) и *katharsis*'a (жалости и страха), которые составляют суть трагедии» [6, с. 17]. Трагическое изначально основано на человеческой хрупкости, непонимании и ошибке, отсутствии порицания, преднамеренном причинении вреда и вине. Для Аристотеля катарсис подчёркивает преобразующее воздействие (и этическую уместность) трагических эмоций, включая человеческое непонимание. Катарсис представляет собой очищение посредством одновременно испытываемых жалости и страха, которые оба связаны с хрупкостью и человеческой потребностью в связи с другими людьми. «Эдип не может представить себе свою раннюю травму и предстаёт неспособным осознать ту ношу проклятий, которые, сами по себе, являются выражением ещё большей травмы. Это трагическое непонимание Эдипа является неотъемлемой частью его трагедии и описанного Аристотелем катарсического воздействия. Катарсические эмоции являются по определению непреодолимыми, как и травма» [6, с. 315].

Для Эдипа желание исчезнуть приобретает трагическую силу. «Существенными чертами трагедии Эдипа являются слепота и стыд; Эдип не может перенести того, что на него будут смотреть как на человека, ответственного за отцеубийство и инцест, и он ослепляет себя из-за непереносимого стыда» [6, с. 13].

Но в то время как Аристотель прямо связывал катарсис с уязвимостью и страданием, известная и принимаемая современная версия Эдипова мифа, связываемая с фрейдовским Эдипом и с современными понятиями трагедии, придаёт особое значение агрессии, инцесту, убийству и вине.

Сюжет, определённый Аристотелем как душа трагедии, отмечает Б. Килборн, стал несущественным уже у Сенеки. Вместо этого трагедия стала непосредственно ассоциироваться с героем, а не с теми обстоятельствами, которые были неподконтрольны герою. Героизм начал вращаться вокруг индивидуальной силы и воли, а не вокруг более широкого контекста человечности, а также какого-либо чувства жалости по отношению к чему-либо большему, чем герой. Героизм, таким образом,

подвергся переопределению и приобрёл окрас демонстративного неповиновения, пригодного служить подкладкой для христианского понятия «греха». Человеческая хрупкость уступила место греху, окрашенному ненасытным вожделением власти.

Начавшиеся в период раннего христианства, происходящие в связи с Эдипом трансформации, с точки зрения Б. Килборна, символизируют изменяющиеся отношения к страданию и человеческой трагедии и одновременно к человеческим чувствам и ошибкам и их связи с этикой. «Данная трансформация в характере Эдипа от трагического персонажа, который у Софокла и Аристотеля страдает от судьбы, над которой он фактически не властен и за которую не считает себя виновным, с одной стороны, к внушающему ужас, своенравному, непокорному и виновному Эдипу-Адаму нашего современного мира, чьё наказание напрямую связано с его “преступлениями”, переносит нас в мир без чувства стыда» [6, с. 278]. Данный сдвиг, по мнению Килборна, подрывает почву под этическими принципами, оставляя нас «по ту сторону добра и зла», происходит значительный отход от греческой трагедии как проявления оплошного поступка, человеческого страдания, случая и беспомощности.

«Крупные фигуры в немецкой философии (например, Шлегель, Шопенгауэр, Ницше) связывали Эдипа, Адама и Гамлета с инцестными побуждениями и необузданной сексуальностью, властью и жестокостью. Таким образом, Эдип стал в одном лице Прометеем и Адамом, символом первородного греха, в окрасе мучительного ужаса и демонстративного неповиновения» [6, с. 312].

Фрейдовская версия Эдипа также соответствует, по Килборну, современным понятиям о герое, однако полностью затмевает точку зрения Софокловой трагедии. Основатель психоанализа, согласно американскому исследователю, придерживался преобладающих в то время культурных ценностей при выделении вины и агрессии в своей характеристике эдипова комплекса.

Таким образом, через феномен трагического Б. Килборн обращается к значимости человеческих чувств, признанию их законности и безвинности, что, на наш взгляд, является самым значимым в этой работе. «Для того чтобы чувствовать себя людьми, мы нуждаемся в переживании наших страхов разъединения и покинутости, наших чувств непонимания, замешательства, дезориентации и беспомощности, стыда незнания, страдания, разочарования, исчезновения и смерти» [6, с. 318–319].

Список литературы

1. Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2010. 672 с.
2. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 400 с.

3. Гуревич П.С. Психоанализ: в 2 т. Т. 1: Фрейдизм и неофрейдизм. М.: Юрайт, 2016. 531 с.
4. Гуревич П.С. Психоанализ: в 2 т. Т. 2: Современная глубинная психология. М.: Юрайт, 2016. 564 с.
5. Дюпон Ю. Пояснения редактора // Ференци Ш. Клинический Дневник / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 14–15.
6. Килборн Б. Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание / Ред. В.В. Старовойтова; пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 336 с.
7. Килборн Б. Травма, стыд и страдание / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 308 с.
8. Кляйн М. Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний (1935) // Кляйн М. Психоаналитические труды: в 6 т. Т. 2: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 годов. Ижевск: ERGO, 2007. С. 139–177.
9. Основные труды Р.В.Д. Фэйрберна / Ред.-сост. В.В. Старовойтов; пер. с англ. В.А. Курманаевской, В.В. Старовойтова, К.В. Ягнюка. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 320 с.
10. Сазерлэнд Дж.Д. Путешествие Фэйрберна в глубины психики / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 368 с.
11. Старовойтов В.В. Психоанализ в портретах. 2-е изд., расшир. и доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 480 с.
12. Старовойтов В.В. Р. Фэйрберн – жизнь и творчество // Основные труды Р.В.Д. Фэйрберна / Ред.-сост. В.В. Старовойтов; пер. с англ. В.А. Курманаевской, В.В. Старовойтова, К.В. Ягнюка. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 3–34.
13. Ференци Ш. Клинический Дневник / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. В.В. Старовойтова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 416 с.
14. Ференци Ш. Тело и подсознание. Снятие запретов с сексуальности / Пер. с нем. Д.Г. Копелянский, Л. Сувойчик; отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Nota Bene, 2003. 592 с.
15. Ференци Ш., Ранк О. Цели развития психоанализа: к взаимоотношению теории и практики / Пер. с нем. Н.Н. Бочкарёвой. Ижевск: ERGO, 2018. 83 с.
16. Фэйрберн Р. Шизоидные факторы в личности (1940) // Основные труды Р.В.Д. Фэйрберна / Ред.-сост. В.В. Старовойтов; пер. с англ. В.А. Курманаевской, В.В. Старовойтова, К.В. Ягнюка. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 35–68.
17. Guntrip H. Personality Structure and Human Interaction. London: Hogarth Press, 1961. 456 p.

BOOKISH DISCOURS

Elvira Spirova

DSc in Philosophy,
Head of the Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: elvira-spirova@mail.ru

GAMES OF THE UNCONSCIOUS (THROUGH THE PAGES OF TRANSLATIONS BY V.V. STAROVOITOV)

In recent years, several significant translations have been published by Vladimir Vasilyevich Starovoitov, which undoubtedly expand the ideas of Russian specialists about classical psychoanalysis, its criticism and the subsequent development of Freudian ideas. The article analyzes the works of John D. Sutherland, Ronald W.F. Fairbairn, Sandor Ferenczi and Benjamin Kilborne. An idea is given about the dynamically complex and contradictory process of the formation of psychoanalytic schools and individual teachings. The problems of the theory of psychoanalysis and psychoanalytic technique are considered, the issues of applied and clinical psychoanalysis, the development of personality and the emotional world of a person are discussed.

Keywords: psychoanalysis, attraction, theory of object relations, personality, ego, self, trauma, psychoanalysis technique, tragic, catharsis

References

1. Dupont, Ju. "Poyasneniya redaktora" [Editor's Explanations], in: S. Ferenczi, *Klinicheskii Dnevnik* [Clinical Diary], trans. V.V. Starovoitov, ed. V.V. Starovoitov. Moscow: Kanon+ Publ., 2020, pp. 14–15. (In Russian)
2. Fairbairn, R. "Shizoidnye faktory v lichnosti (1940)" [Schizoid Factors in Personality (1940)], *Osnovnye trudy R.V.D. Feirberna* [The Main Works of R.V.D. Fairbairn], ed. V.V. Starovoitov, trans. V.A. Kurmanaevskaya, V.V. Starovoitov, K.V. Yagnyuk. Moscow: Kanon+ Publ., 2020, pp. 35–68. (In Russian)
3. Ferenczi, S. *Klinicheskii Dnevnik* [Clinical Diary], trans. V.V. Starovoitov, ed. V.V. Starovoitov. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. 416 pp. (In Russian)
4. Ferenczi, S. *Telo i podsoznanie. Snyatie zapretov s seksual'nosti* [The Body and the Subconscious. Removing Prohibitions from Sexuality], trans. D.G. Kopelyansky, L. Suvoichik; ed. P.S. Gurevich. Moscow: Nota Bene Publ., 2003. 592 pp. (In Russian)

5. Ferenczi, S., Rank, O. *Tseli razvitiya psikhoanaliza: k vzaimootnosheniyu teorii i praktiki* [Goals of the Development of Psychoanalysis: towards the Relationship of Theory and Practice], trans. N.N. Bochkareva. Izhevsk: ERGO Publ., 2018. 83 pp. (In Russian)
6. Guntrip, H. *Personality Structure and Human Interaction*. London: Hogarth Press, 1961. 456 pp. (In Russian)
7. Guntrip, H. *Shizoidnye yavleniya, ob'ektnye otnosheniya i samost'* [Schizoid Phenomena, Object Relations and the Self], trans. V.V. Starovoitov. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2010. 672 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P.S. *Psikhoanaliz* [Psychoanalysis], Vol. 1, Freidizm i neofreidizm [Freudianism and Neo-Freudianism]. Moscow: Yurait Publ., 2016. 531 pp. (In Russian)
9. Gurevich, P.S. *Psikhoanaliz* [Psychoanalysis], Vol. 2, Sovremennaya glubinnaya psikhologiya [Modern Deep Psychology]. Moscow: Yurait Publ., 2016. 564 pp. (In Russian)
10. Gurevich, P.S. *Psikhoanaliz lichnosti* [Psychoanalysis of Personality]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2011. 400 pp. (In Russian)
11. Kilborne, B. *Nepравil'noe ponimanie tragicheskogo: zavist', styd i stradanie* [Misunderstanding of the Tragic: Envy, Shame and Trauma], trans. V.V. Starovoitov, ed. V.V. Starovoitov. Moscow: Kanon+ Publ., 2022. 336 pp. (In Russian)
12. Kilborne, B. *Travma, styd i stradanie* [Trauma, Shame and Suffering], trans. V.V. Starovoitov. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2017. 308 pp. (In Russian)
13. Klein, M. "Vklad v psikhogenez maniakal'no-depressivnykh sostoyanii (1935)" [Contribution to the Psychogenesis of Manic-depressive States (1935)], in: M. Klein, *Psikhoanaliticheskie trudy* [Psychoanalytic Works], Vol. 2. Izhevsk: ERGO Publ., 2007, pp. 139–177. (In Russian)
14. *Osnovnye trudy R.V.D. Feirberna* [The Main Works of R.V.D. Fairbairn], ed. V.V. Starovoitov, trans. V.A. Kurmanaevskaya, V.V. Starovoitov, K.V. Yagnyuk. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. 320 pp. (In Russian)
15. Starovoitov, V.V. *Psikhoanaliz v portretakh* [Psychoanalysis in Portraits]. Moscow: Kanon+ Publ., 2023. 480 pp. (In Russian)
16. Starovoitov, V.V. R. "Feirbern – zhizn' i tvorchestvo" [R. Fairbairn – Life and Work], *Osnovnye trudy R.V.D. Feirberna* [The Main Works of R.V.D. Fairbairn], ed. V.V. Starovoitov, trans. V.A. Kurmanaevskaya, V.V. Starovoitov, K.V. Yagnyuk. Moscow: Kanon+ Publ., 2020, pp. 3–34. (In Russian)
17. Sutherland, J.D. *Puteshestvie Feirberna v glubiny psikhiki* [Fairbairn's Journey into the Interior], trans. V.V. Starovoitov. Moscow: Kanon+ Publ., 2019. 368 pp. (In Russian)